

Olga Anchimiuk

DOI 10.15290/sw.2016.16.11

Uniwersytet w Białymstoku
Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
tel.: +48 85 7457450
e-mail: anchimiuk.olga@o2.pl

О хронотопе житий святого Онуфрия Великого

Ключевые слова: житие, хронотоп, повествование, ретроспекция, иеротопия.

Время и пространство являются определяющими параметрами существования мира и основополагающими формами человеческого опыта. Форма протекания процессов (время) с его одновременностью, длительностью, временной последовательностью, направленностью и пространство, отображающее множественный характер существования мира, создают некую сетку координат, выражающие окружающий мир в сознании личности [НФЭ, online]. В гуманитарном знании пространственно-временные параметры обычно указывают на способы исследования в отдельных науках. Так возникают самые различные понятия, например: антропогенные “ландшафты”, “биополя”, “социодинамика культуры”, “виртуальное пространство”, “нелинейное время”, “хронотоп” и др.

В отношении к художественному тексту впервые понятие “хронотоп” применил М.М. Бахтин, тем самым определив основное направление исследований: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе *времяпространство*)» [Бахтин 1975, 234]. По словам Д.С. Лихачева, пространство, изображаемое в тексте, может быть большим, охватывать ряд

стран или даже выходить за пределы земной планеты, но оно может сужаться и до тесных границ одной комнаты. Время также может течь быстро или протекать медленно, захватывать больший или меньший круг явлений. Во всех случаях мы имеем дело с художественным пространством и художественным временем, косвенно воспроизводящими действительность [Лихачев 1968, 78].

Цель настоящей статьи – сравнение описания пространственно-временных планов в житиях святого Онуфрия Великого в католических и православных текстах.

В житийной литературе, где специфически осваивается действительность, по-особому выстраивается пространство и время, это определяет особенности житийного хронотопа. Многие из известных нам святых, всю свою жизнь проводили в одиночестве и молитве – это отшельники. В различных религиях существовало аскетическое отречение от мирской жизни с максимальным ограничением внешних связей. В христианстве отшельничество известно с III в., постепенно оно превращается в один из важнейших церковных институтов – монашество. В Православии отшельничество – форма монашеского, “скитского” или “пустынного” жития, уединения, связанного с добровольным принятием дополнительных аскетических обетов (усиленной молитвы, строгого постничества, молчальничества) [СЭ, online]. Отцом православного монашества считается отшельник святой преп. Павел Фивейский (288–341 гг.), проживший по преданию 113 лет, из них 91 год в отшельничестве.

Уже в само понятие *отшельничество* имеет пространственно-временную семантику. Поэтому для описания речевых особенностей текста жития отшельника будет существенным выяснить особенности житийного хронотопа.

Самой общей характеристикой текста жития является определение реализуемых в нем функционально-смысловых типов речи. Традиционно выделяют *повествование* – такой тип речи, который “предназначен для изображения последовательного ряда событий” [СЭС, с. 288] и *описание*. Сущность *описания* как функционально-смыслового типа речи “сводится к выражению факта сосуществования предметов, их признаков в одно и то же время. Описание служит для подробной передачи состояния действительности, изображения природы, местности, интерьера, внешности” [СЭС, с. 267]. Нужно отметить, что если в повествовании хронотоп реализуется полноценно, описывается событие в конкретном пространстве, длящееся конкретный промежуток времени. В описании же время, которое длилось в повествовании, “устраня-

ется”. В *рассуждении* как функционально-смысловом типе речи, который соответствует форме абстрактного мышления – умозаключению, и выполняет особое коммуникативное задание – придать речи аргументированный характер (прийти логическим путем к новому суждению или аргументировать высказанное ранее), оформляется с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики [СЭС, с. 321], хронотоп как таковой отсутствует.

В качестве объекта исследования взяты тексты житий, описывающих земную жизнь преподобного Онуфрия Великого, египетского отшельника IV века, почитаемого как в православии, так и в католичестве. Это *Житие преподобного отца нашего Онуфрия Великого* и *Żywot świętego Onufrego, Pustelnika*. Оба жития неоднократно переиздавались и читаются верующими.

Жития отличаются объемом. В *Житии преподобного отца нашего Онуфрия Великого (Житие...)* – 6727 слов (без Кондака), из них 3050 слов – только встреча с Онуфрием Великим, *Żywot świętego Onufrego, Pustelnika (Żywot...)* – намного меньше – 1122 слова (bez nauki moralnej). Поскольку “житие святого – это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению” [СКСАТ, online], считаем, что объем для агиографа не является основополагающим.

Повествование в *Житии...* ведется от имени Пафнутия, который рассказывает:

Однажды, когда я пребывал в безмолвии в монастыре своем, пришло ко мне желание пойти во внутреннюю пустыню, чтобы видеть, есть ли там инок, более меня работающий Господу?¹

По мнению А.Я. Гуревича, «путешествие в средние века было прежде всего паломничеством к святым местам, стремлением удалиться от грешных мест в святые. Нравственное совершенствование принимало форму топографического перемещения (уход в пустынь или монастырь из “мира”). Достижение святости также осознавалось как движение в пространстве: святой мог быть живым взят в рай, а грешник ниспровергался в преисподнюю» [Гуревич 1984, 67]. Сомнения толкают повествователя в путь. В житии реализуется важнейший элемент хронотопа – *дорога*. Именно этот элемент оправдывает насыщенность пути монаха разнообразными событиями. Нельзя не согласиться с Бахтиным М.М. в том, что «дорога особенно выгодна для изображения

¹ Орфография изменена на современную автором статьи.

события, управляемого случайностью (но и не только для такого)» [Бахтин 1975, 392].

Именно основываясь на элементе *дорога*, можно весь текст *Жития...* разделить на две части. В каждой из частей своя дорога. В первой – святой Пафнутий отправляется в путь и встречает по дороге пещеру с мертвым старцем-отшельником, которого хоронит. Двигаясь дальше, он встречается с Тимофеем-пустынником в его пещере. После этой встречи происходит поворот в пространстве: святой Пафнутий возвращается в пустынный монастырь. Через какое-то время святой Пафнутий снова предпринимает попытку путешествия, во время которого встречает Онуфрия Великого в его пещере, хоронит его. Далее по дороге происходит встреча с четырьмя старцами-отшельниками в их кельях, которые уже знают о смерти Онуфрия Великого. Следуя дальше, он встречается у пещеры в райском саду (как ему казалось) с четырьмя юношами-отшельниками. И последней встречей на его пути стала встреча в скиту с двумя братьями-отшельниками, после которой святой Пафнутий возвращается в свой монастырь.

Таким обилием встреч в пустыне, которые происходят с повествователем, идущим во *внутреннюю пустыню*, автор *Жития...* показывает распространенность подвига отшельничества. Повествователь встречает на своем пути и двоих, и четверых отшельников, но только Тимофей-пустынник и Онуфрий Великий живут в полном одиночестве.

Żywot... также начинается с рассказа Пафнутия братии, в котором он сообщает причину, по которой отправляется в пустыню:

Pewnego dnia uczulem chęć udania się na puszcze, aby tam odwiedzić świętobliwych Pustelników, patrząc, jak żyją pełni pobożności i ognich się nauczyć, jak Bogu służyć najlepiej.

Герой уверен в том, что в пустыне он найдет отшельников, и идет осуществлять свою цель. Пафнутий по прошествии многих часов встречает Онуфрия Великого, который очень подробно рассказывает собеседнику свою биографию. Далее Пафнутий и Онуфрий Великий беседуют о Библии. Потом отшельник умирает. Похоронив его, Пафнутий возвращается в свой монастырь. В *Żywocie...* не говорится ни о каких других отшельниках. Вместе с тем, в обоих житиях есть общий элемент, существенный для хронотопа: ретроспекция. Ретроспекция – обращенность в прошлое, взгляд назад, переходящий от настоящего к прошлому [НСРЯ, online].

А.Я. Гуревич отмечает, что «Средневековое сознание ориентировано на прошлое. Но не только на прошлое. История, согласно ее хрести-

анскому истолкованию, имеет направление, разворачивается по предустановленному плану и движется к концу, в котором жизнь земная сольется с жизнью неземной» [Гуревич 1984, 113]. Поэтому авторы используют прием ретроспекции. В *Житии...* каждый из отшельников, встречаемых святым Пафнутием, рассказывает свою историю, каким путем он пришел в пустыню, вспоминает о человеке, который был для него проводником. В *Żywocie...*, соответственно, одно ретроспективное отклонение от основного повествования – воспоминания Онуфрия Великого о своей жизни. Прерывность авторского повествования определяется не только *ретроспекцией*, но и *проспекцией*. Проспекцией называют прием разворачивания текста, который дает читателю возможность яснее представить себе связь и обусловленность событий и эпизодов, характерных признаков, функций и т. д. [ПР, online] В житии очевидной проспекцией являются все молитвы, в которых отшельник обращается к будущему. Это проспективное отклонение от повествования, именно в силу действенности молитвы, ее сбываемости. Кроме того, следует отнести к явлению проспекции и, например, такое высказывание преподобного Онуфрия:

Иди же, чадо, в Египет, в свой монастырь, а также и к другим монастырям и поведай обо всем, что ты видел и слышал в пустыне; поведай также и о том, что ты еще увидишь и услышишь; сам же подвизайся в добрых делах, служа Господу.

В *Żywocie...*:

...abyś widział co się tu dzieje i świata to ogłosił. Wróć zatem do Egiptu, pozostań tam do końca i dopełnij dzieła rozpoczętego, a otrzymasz koronę chwały wiecznej.

Таким образом, темпоральные скачки назад характерны для обоих житий.

Пространство *Жития...* создается посредством описания географических объектов. Наиболее частотными являются *пустыня*, *гора*, *река*. А также *келлия* и *скит*, являющиеся элементами пространства. Встреча Пафнутия и Онуфрия Великого происходит у высокой горы, на горе. Слово *гора* в этом описании встречи используется 5 раз. Это позволяет сказать, что гора не просто преграда для путешественника, она является объектом пристального внимания.

Гора – это сакральный символ власти и отшельничества. Согласно различным традициям, в горах сохраняются осколки древних рас

и цивилизаций. В горах проживают высшие посвященные. Греческие боги, как известно, обитали на горе Олимп. По другому мифологическому мотиву, горы населены демонами. Горы вместе с тем символизируют границы, естественные пределы. Уральский хребет отделял Европу от Азии. Олицетворением гор служат гигантские змеи, например, у Уральских гор – космический полоз [СЗЭ, с. 116] Поэтому встреча Пафнутия И Онуфрия Великого происходит у высокой горы, она является главным элементом хронотопа:

На семнадцатый день своего путешествия я подошел к некоей высокой **горе**; утрудившись от пути, я сел у **подножия горы**, дабы отдохнуть немного.Когда я увидел сего мужа, приближавшегося ко мне, то пришел в страх и побежал на скалу, находившуюся на **верху горы**. Он же, дойдя до **подножия горы**, сел в тень, намереваясь отдохнуть, ибо весьма утрудился от зноя, а также и от старости. Посмотрев **на гору**, он увидел меня и, обратившись ко мне, сказал: “Подойди ко мне, человек Божий! Я такой же человек, как и ты; я живу в пустыне сей, подвизаясь Бога ради.

Автор описывает части горы: “*на верху горы*”; “*у подножия горы*”. Показывая перемещения героя, святой Онуфрий – у подножия горы, а Пафнутий – на горе, можно предположить, что агиограф таким расположением героев реализует важную для жития задачу – показать смирение Онуфрия Великого.

Важные пространственные реалии пустыни – *пещеры*. Слово *пещера* используется агиографом 25 раз, что обусловлено упоминанием о жилище отшельников. Описания внутреннего пространства как такового в житиях нет. Пожалуй, наиболее подробно описано жилище отшельника, которого Пафнутий застал уже мертвым:

... дошел до некоторой пещеры, закрытой со всех сторон и имевшей только одно небольшое оконце... но так как мне никто ничего не говорил и не открывал дверей.

Это даже не пещера в традиционном понимании: перед нами почти закрытое пространство в открытом пространстве пустыни. В *Житии*... также упоминается о *келли* (4 раза), например: “*построил себе келлю*”, и единожды – *скит*.

В *Żywocie*... элементами пространства являются: *дерево* – “*położyłem się pod drzewem*”, в рассказе Онуфрия Великого о старце, упоминается *пещера* – “*przybyliśmy do pięknej jaskini*”, *холм* – “*zaprowadził mnie św. Pustelnik Onufry na pagórek, wskazał na okolicę*” *хижина*, *окруженная пальмовыми деревьями* – “*do chatki otoczonej drzewami palmowymi*”.

Для описания пространства в тексте *Жития...* агиографом используются топонимы: “*Эрпти, близ города Гермополя*”, “*в Фиваидской области*”, “*Egunem*”. В тексте *Żywota...* также встечаются топонимы: “*stolicy Bawaryi*”, “*w Monachium*” и антропонимы: “*książę bawarski Henryk, zwany Lwem*”. В *Żywocie...*, также отмечается исторический факт:

W roku 1171 książę bawarski Henryk, zwany Lwem², na jednej z wypraw krzyżowych ...wyprosił u zakonników jedną część czaszki jego, i tę zabrawszy z sobą, złożył ją uroczyście w kościele w stolicy Bawaryi, w Monachium.

Приводя исторические факты, топонимы, антропонимы, авторы житий подчеркивают реальность происходящего.

Для характеристики хронотопа существенно не только движение, которое реализуется в мотиве *дорога*, но и направленность движения. В *Житии...* эта направленность от края к центру:

Встав, я взял с собой немного хлеба и воды и отправился в путь; я вышел из монастыря своего, никому ничего не сказав, и направился в самую внутреннюю пустыню.

Внутренний, в толковом словаре, определяется так: «такая часть объекта, которая находится ближе к центру, к середине этого объекта, и отделена от внешней среды другими частями этого объекта» [ТСРЯ, с. 132] Пафнутий все время стремится во “*внутреннюю пустыню*”, то есть за какую-то границу, где, как он считает, он должен найти ответы на вопросы. Движение Пафнутия все время к центру. Центрами для путешественника являются жилища Тимофея-отшельника, Онуфрия Великого, а также место, где жили “*четыре благовидных юноши, опоясанные овечьими кожами*”, и с которыми Пафнутий причастился. Такое движение описывает В.Н. Топоров, подчеркивая, что «путь к сакральному центру, строящийся как овладение все более и более сакральными концентрическими зонами с находящимися в них объектами, вплоть до совмещения себя с этим сакральным центром, обозначающего полноту благодати, причастия, освященности» [Топоров 1983, 262].

Движение Пафнутия в *Żywocie...* также имеет идентичную направленность: от периферии к центру:

Pewnego dnia uczulem chęć udania się na puszcze, aby tam odwiedzić świętobliwych Pustelników.

² Генрих Лев (1129–1195), герцог из династии Вельфов, герцог Саксонии и Баварии.

Глаголы движения и перемещения объекта, естественные в повествовании, обеспечивают динамику описываемого мира. *Житие...* начинается и заканчивается употреблением глагола *идти*, которым обозначено основное действие отшельника в описываемом житии. В начале: “*пришло ко мне желание **пойти** во внутреннюю пустыню*”. В завершении: “*Воздав им приветствие, я **пошел** в свой монастырь*”. Это собственно основной глагол движения, используемый автором для описания действий персонажей. Разнообразны только его формы: *выходить, вышел, вышли; идти, шел, шли; дошел; подошел, подошли; прийти, пришел, придет; приходит; приходил; походил; ушел; пошел*. Значительно реже употребляются другие глаголы движения: *возлетел, достигли, отправился, направился, разошлись*, а также глаголы перемещения объекта: *послал, повел, поднимает, подняли, приближался, проводили, принесли*.

В *Żywocie...* употребляются в основном те же глаголы движения: *szedłem, wyszedł, pójdz, szliśmy, odwiedzić, nie spotkawszy, uciekłem, opuściłem, zbliżało, wystąpił, wstąpił, przybyliśmy, zaprowadził, wróć, cofnąłem się, powróciłem, odwiedził*, а также незначительное количество иных глаголов перемещения объекта: *wybrałem się w drogę, udałem się na puszcę, położyłem się, obróciwszy się, powstałem, przybliżyłem się, padłem, wstań, powstałem, usiadłem, podniósł mnie, siedliśmy, przygniotło, zabrawszy*. В целом в *Żywocie...* количество глаголов собственно движения и глаголов перемещения объекта почти одинаково и значительно уступает количественно употреблению глаголов этой семантики в *Житии...* В обоих житиях неразнообразный репертуар глаголов подчеркивает однообразие действий отшельника.

Выявление специфики художественного времени начнем с рассмотрения слова *время*, которое агиограф использует в житии 22 раза. Слово *время* употребляется с определениями, часть из которых является устойчивыми эпитетами: “*довольно продолжительное время*”; “*пробыть некоторое время*”; “*хватило на непродолжительное время*”; “*и как много времени живет здесь*”; “*и одежды мои от долгого времени, придя в ветхость*”; “*где мы в скором времени научились простой грамоте (чтению)*”. Прилагательное *временный* не характерно для житийного текста: словосочетание *временная жизнь* встречается всего 1 раз.

Идею времени выражают также наречия времени: “*однажды, когда я пребывал в безмолвии в монастыре своем*”; “*потом подошел ко мне*”; “*сначала я жил в одной из фиваидских киновий*”; “*что ныне или завтра меня постигнет смерть и я буду мучиться вечно*”; “*я тот-*

час выздоровел; “он повелевает тебе **немедленно** идти в Египет”; “**ежедневно** находит в ней один хлеб; “когда же мы собираемся сюда **накануне** воскресного дня”; “**внезапно** нас осиял свет с неба”.

Средствами обозначения времени в *Житии...* также являются существительные, обозначающие временные отрезки, части суток и пр.: “**простоял у окна в продолжение часа**” (единичное употребление); “и **пробыл в ожидании весь день**”; “когда наступил **день**”; “я провел с тем преподобным отцом почти всю **ночь**: утром же я встал на обычную молитву”; “и **пробыли всю ту ночь** в молитве к Богу”; “когда наступило **утро**”; “когда день начал уже склоняться к вечеру”; “скоро должна была наступить **ночь**”; “мы **пробыли всю ночь** без сна”. Конечно, выражают значение времени и их производные, например: “переночевал при могиле того старца”. Интересно, что случаи употребления нескольких слов со значением времени в близком контексте подчеркивают нечто важное: например, обозначают постоянные страдания отшельника: “жар солнечный жег меня **днем, ночью** же я мерз от холода”.

Наиболее частотное временное слово *день* употребляется в значении «промежуток времени 24 часа»: “Выйдя оттуда, я шел по направлению внутренней пустыни **один день**”; “Я **пробыл у них семь дней**”; “Я **пробыл у них десять дней**”; “И **пробыл старец со мной тридцать дней, поучая меня доброделанию**”.

Употребление слова *день* в обороте с порядковым числительным «на ... день» имеет большую динамичность, чем форма с числительным количественным: “шли же мы **четыре дня и четыре ночи**. Наконец, **на пятый день** нашли небольшую пещеру”; “**На семнадцатый день** своего путешествия я подошел к некоей высокой горе”. Нам представляется, что это касается и иных косвенных форм: “идя в течение **нескольких дней**”; “Я **пробыл немало дней**”; “Я шел в продолжение **трех дней**”.

Несколько реже слово *день* употребляется в значении «какой либо период жизни»:

И проводили мы **те дни** в славословии Божиим и в молитвах, вкушая в пищу плоды садовые и испивая воду из источника.

И существующих наименований дней недели, употребляются только два: суббота и воскресенье:

Когда наступает суббота, то мы все собираемся на это место, видим друг друга и утешаемся о Господе. Пробыв вместе два дня, субботу и воскресенье, снова каждый расходимся на свое место.

Слово *месяц* значительно менее частотно, чем *день*, и употребляется только для описания регулярности появления пищи: “каждый месяц одна из ветвей рождает такое количество плодов”, и указания на период грешной жизни: “и пребывал я с ней в течение шести месяцев, греша все время”. Редкий случай наименования месяца встречается при обозначении дня памяти святого Онуфрия Великого: “Был же тогда двенадцатый день месяца июня”.

Значительно более частотным и разнообразным является слово *год* в различных формах: “Сколько лет подвизаешься в этой пустыне”; “С тех пор он приходил ко мне один раз в год”; “он навещал меня ежегодно, до преставления своего Господу”; “в последний год он преставился ко Господу”; “И вот мы пребываем здесь уже шестой год”; “по истечении многих лет (ибо я уже тридцать лет подвизаюсь в пустыне этой)”; “я живу в этой пустыне шестьдесят лет”.

Важным обозначением времени является указание отшельника на временную границу своего пребывания на земле, завершение земной жизни:

...я начал усердно просить отцов тех, дозволить мне пробить вместе с ними до смерти моей.

Интересно, что по описанию событий в *Житии...*, Онуфрий Великий находился в пустыне 60 лет. И мы видим, что наименьшая единица измерения времени – час, а наибольшая 60 лет. Число 60 является основанием снование вавилонской шестидесятеричной системы счисления, рудименты которой до сих пор используются в исчислении времени и углов. Временной промежуток от часа до шестидесяти лет – это человеческая жизнь. Данные в *Żywocie...* иные: Онуфрий Великий жил в пустыне 70 лет. Если сравнивать временную сторону хронотопа в двух житиях, то оказывается, что в *Żywocie...* много раз дается не точное время, а приблизительное. Пафнутий говорит, что: “*Szedłem wiele godzin...*”. Это же расстояние в *Житии...* описывается так: “На семнадцатый день своего путешествия”. Далее: в *Житии...*: “Пройдя около шести или семи миллиарчей я увидал довольно просторную пещеру”; а в *Żywocie...*: “*Po 14 godzinach drogi przybyliśmy do pięknej jaskini*”.

Некоторые временные отрезки в *Житии...* и в *Żywocie...* совпадают. Путешествие со старцем вглубь пустыни: в *Житии...*:

Сказав так, он взял меня и повел в самую внутреннюю пустыню: шли же мы четыре дня и четыре ночи. Наконец, на пятый день нашли небольшую пещеру;

в *Żywocie...*:

Usłuchałem i przez cztery dni szliśmy do małej chatki, stojącej poddrzewem daktylowem...;

в *Житиу...*:

И пробыл старец со мной тридцать дней, поучая меня доброделанию;

в *Żywocie...*:

Przez trzydzieści dni ów Pustelnik prze bywał jeszcze ze mną.

Единицы измерения времени в *Żywocie...* используются идентичные, только имеют меньшее разнообразие. Час: *“szedłem wiele godzin”*; *“po 14 godzinach drogi”*; *“po sześciu godzinach”*; день, ночь, утро: *“wiele dni”*; *“cztery dni”*; *“piątego dnia”*; *“przez trzydzieści dni”*; *“czuwaliliśmy noc całą”*; *“nad ranem”*; дни недели: *“co Niedzielę”*; год: *“6 lat życia”*; *“odwiedzał mnie co rok”*; *“przeszło siedemdziesiąt lat”*; *“w roku 1171”*. Наречий также несколько меньше: *“pewnego dnia”*; *“pewnego razu”*; *“razu pewnego”*; *“ostatnia godzina”*; *“koronę chwały wiecznej”*.

При конкретизации хронотопа, то есть уточнения временных и пространственных параметров и характеристик действия описываемых героев, агиографы используют лексические и синтаксические средства. Это слова с пространственным и временным значением: *поле, дорога, пустыня, дом, пещера, час, год, время* и т. д.; наречия времени и места; значительную часть парадигмы глаголов движения и перемещения в пространстве, а также обстоятельства и придаточные предложения времени и места.

При описании хронотопа житийной литературы необходимо отметить разного рода повторы, которые связаны в том числе и с определенными канонами изображения святых.

Обращает на себя внимание сходства в описании внешности двух героев: Тимофея-отшельника и Онуфрия Великого. Тимофей, шедший среди буйволов, выглядел так: *“я увидел мужа без одежды, прикрывавшего наготу тела своего лишь одними волосами”*.

Главный, поражающий повествователя признак внешности, – длинные волосы, прикрывающие наготу, повторяется в другой части жития в описании внешности Онуфрия Великого:

...я увидел мужа, приближавшегося ко мне, очень страшного на вид; он весь был покрыт волосами как зверь, при этом волосы его были белы как снег, ибо он был седым от старости. Волосы его головы и бороды были очень длинные, доходили даже до земли и покрывали все тело его как некая одежда, бедра же его были опоясаны листьями пустынных растений.

Конечно, второй портрет усиливается эпитетами и деталями, но очевидно и их сходство, чем агиограф проводит параллель между изображаемыми пустынножителями. Подобные портреты, имеющие значительные сходства, называются топик-портретами. Этот термин – производное от риторического термина *τοπος* – общее (повторяющееся) место. Топосы, как явления, были распространены не только в житиях. А.Я. Гуревич пишет, что «господство общих мест – *τοποι* – в литературе представляло собой особый способ выражения автором собственных мыслей – при помощи ссылок на авторитеты, что, несомненно, существенно ограничивало проявление индивидуальности» [Гуревич 2007, 113]. Следует добавить, что проявление индивидуальности не является сколько-нибудь существенной задачей житийной словесности.

В жизни человека «в древности и в средние века, – по замечанию А.Я. Гуревича, – не изменение, а повторение являлось определяющим моментом их сознания и поведения» [Гуревич 1984, 87].

В *Żywocie...* мы встречаем только описание святого Онуфрия Великого, потому что там не говорится о других отшельниках:

...spozrzegłem człowieka, z którego głowy spływał długi włos; biodra miał odkryte liśćmi palmowemi a kij sękaty w ręku.

Но и это описание совпадает с описанием святого в *Житии...*

Также признаки топоса заметны и в описании жилищ этих двух отшельников в *Житии...* При описании пространства вокруг жилища Тимофея-отшельника, агиограф отмечает наличие источника вблизи жилища и подробно описывает финиковую пальму, которая кормит отшельника. На пальме:

...двенадцать ветвей; каждый месяц одна из ветвей рождает такое количество плодов, которого вполне хватает для пропитания моего в продолжение тридцати дней. Когда же оканчивается месяц и вместе с тем плоды на одной ветви, тогда созревает другая ветвь.

При описании места, где живет Онуфрий Великий, заметны повторы: он тоже живет в пещере, рядом источник и пальма, у которой:

...двенадцать ветвей; каждая ветвь отдельно от других приносила плоды свои, одна в один месяц, другая в другой, до тех пор, пока не оканчивались все двенадцать месяцев.

Отличия в том, что описание пальмы у Онуфрия Великого не заканчивается месячным циклом, а связано с годичным:

Когда оканчивается один месяц, оканчиваются и плоды на одной ветви; когда наступает другой месяц, начинают вырастать плоды на другой ветви.

Топичность этих описаний состоит не в их частичном совпадении, а в том, что они отсылают нас к описанию рая в *Откровении святого Иоанна Богослова*: “Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народов” [Откр. 22, 2]. Здесь описывается древо жизни посреди райского сада, плоды которого дают вечную жизнь, также присутствует река. Агиограф посредством топосов показывает, что пустынноики нашли свой рай на земле.

В *Żywocie...* жилище Онуфрия Великого описывается трижды: первый раз – “*przybyliście do małej chatki, stojącej pod drzewem daktylowem*” (прибыли к небольшой хижине, стоящей под финиковым деревом), второй: “*do chatki otoczonej drzewami palmowemi*” (к хижине, окруженной пальмовыми деревьями). Третье описание после смерти Онуфрия Великого: “*chata zapadła pod drzewem daktylowem*” (хижина упала под финиковым деревом). Агиограф говорит, что еду приносил святому ангел: “*...lecz Anioł codziennie zaopatrywał mnie w wodę i daktyle*”. Однако ничего не говорится о том, что пальма кормила отшельника. В *Żywocie...* нет упоминания и о реке. Ср. в *Apokalipsie Św. Jana* говорится о реке и древе жизни которое каждый месяц приносит плод:

Pomiędzy rynkiem Miasta a rzeką, po obu brzegach, drzewo życia, rodzące dwanaście owoców – wydające swój owoc każdego miesiąca – a liście drzewa /służą/ do leczenia narodów [Ap 22, 2].

Но между *Żywotem...* и *Apokalipsą Św. Jana* нет связи. В этом одно из основных отличий хронотопов *Żywota...* и *Жития...*

Главное же и принципиальное отличие *Жития...* от *Żywota...* можно сформулировать с помощью понятия *иеротопия*, введенного научный обиход А.М. Лидовым [Лидов 2006, 10]. Автор называет иеротопией «создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества». Одной из особенностей сакрального пространства, которое создает автор, является *иерофания* – «вторжение в земной мир чего-то священного, придающего конкретную территории (области) свойства священного» (термин иерофания ввел М. Элиаде) [Элиаде 1994, 25]. Таким образом, автор *Жития...* создает иеротопический проект в своем произведении, приближая его к иерофаническому образу, другими словами, он переносит образ рая в свое произведение.

Таким образом, *Житие...* и *Żywot...*, существенно отличаясь в объеме и композиции, при сравнении обнаруживают специфику хронотопа жанра жития как такового. Особенностью изображаемого в житии вре-

мени является наличие репреспекции и проспекции, проявлениями которых отчасти являются прием “рассказ в рассказе” и изображение молитвы. Прерывность авторского повествования, темпоральные скачки характерны для обоих житий. *Житие...* в отличие от *Żywota...* за счет элемента *дорога* более насыщено различными средствами реализации хронотопа: это большое количество пространственных объектов (*пещера, келья, гора, река*), обилие глаголов движения и единиц с семантикой времени. Главное же отличие хронотопа житий в том, что хронотоп *Жития преподобного отца нашего Онуфрия Великого* иеротопичен, а в *Żywocie świętego Onufrego, Pustelnika* иеротопия отсутствует.

Литература

- Бахтин М.М., 1975, *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*, [в:] Бахтин М. М., *Вопросы литературы и эстетики*, Москва, с. 234–407, [online], http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html [30.04.2015].
- Гуревич А.Я., 1984, *Категории средневековой культуры*, Москва.
- Гуревич А.Я., 2007, *Избранные труды. Средневековый мир*, Санкт-Петербург.
- НСРЯ – Ефремова Т.Ф., 2000, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва, [online], <http://www.efremova.info> [30.04.2015].
- Жития святых* на русском языке, изложенные по руководству Четих Миней святителя Димитрия Ростовского, Месяц июнь, Москва 1902, переизд. Москва 1997, с. 230–252.
- СКСАТ – Живов В., 1994, *Святость. Краткий словарь агиографических терминов*, Москва 1994, [online], <http://azbyka.ru/svyatost-kratkij-slovar-agiograficheskix-terminov#n13>, [12.12.2013].
- Лидов А.М., 2006, *Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования*, [в:] *Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси*, ред. А.М. Лидов, Москва.
- Лихачев, Д.С., *Внутренний мир художественного произведения*, [в:] “Вопросы литературы”, 1968, № 8, с. 74–88.
- НФЭ – *Новая философская энциклопедия*, [online], <http://iph.ras.ru/elib/0669.htm> [30.04.2015].
- ПР – *Педагогическое речеведение. Словарь-справочник*, под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской 1998, Москва, [online], http://ped_recheved.academic.ru/ [30.04.2015].
- СЗЭ – *Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия*, 2005, под ред. В.Л. Телицына, Москва.

- СЭ – *Современная энциклопедия*, 2000, [online], <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/35142> [30.04.2015].
- СЭС – *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, 2011, под ред. М.Н. Кожинной, Москва.
- ТСРГ – *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*, 1999, под ред. Л.Г. Бабенко, Москва.
- ТСРЯ – *Толковый словарь русского языка*, 2003, под ред. Д.В. Дмитриева, Москва.
- Топоров В.Н., 1983, *Пространство и текст*, [в:] *Текст: семантика и структура*, ред. Т.В. Цивьян, Москва, с. 227–284.
- Элиаде М., 1994, *Священное и мирское*, Москва.
- Żywoty świętych pańskich na wszystkie dnie roku*, Mikołow–Warszawa 1910, s. 590–592.

CHRONOTOPE OF LIFE OF ST.ONOFRIO THE GREAT

SUMMARY

Life of the saints, including hermits, is described in the lives that have specific chronotope. The characteristic feature of the chronotope of the lives of the saints is a lack of continuity in the author's narrative, manifesting itself in discrepancies in terms of the past and the future, a large number of spatial objects and various means of expressing ideas of time. The most important feature of the chronotope of the lives of the saints is hierophany, as well as their hierotopic character.